

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2011
XX**

**ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
713
EXPRESS-ISSUE**

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издается с 1992 года

Т о м Х Х

Экспресс-выпуск • Express-issue

2011 № 713

СОДЕРЖАНИЕ

- 2479-2489 Плешанка *Oenanthe pleschanka* на западной границе ареала. Д. Н. НАНКИНОВ
- 2489-2490 Залёт колпицы *Platalea leucorodia* в Бухтарминскую долину на Южном Алтае. С. В. СТАРИКОВ, Е. И. ШЕРШНЁВ
- 2490-2497 Лесной сыч *Aegolius funereus* на Западном Алтае. Б. В. ЩЕРБАКОВ
- 2498-2502 Численность и распределение серой утки *Anas strepera* в городе Сортавала (северо-западное Приладожье). С. Л. ПОПОВА
- 2503 Групповые и индивидуальные особенности гнездования гоголей *Viscerphala clangula* в Кандалакшском заливе. В. В. БИАНКИ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин

Кафедра зоологии позвоночных

Биолого-почвенный факультет

Санкт-Петербургский университет

Россия 199034 Санкт-Петербург

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XX
Express-issue

2011 № 713

CONTENTS

- 2479-2489 The pied wheatear *Oenanthe pleschanka*
on western range limit. D. N. NANKINOV
- 2489-2490 Vagrant white spoonbill *Platalea leucorodia*
in the Bukhtarma valley, Southern Altai.
S. V. STARIKOV, E. I. SHERSHNIOV
- 2490-2497 The Tengmalm's owl *Aegolius funereus*
in Western Altai. B. V. SHCHERBAKOV
- 2498-2502 Number and distribution of the gadwall *Anas
strepera* in Sortavala, north-western Ladoga.
S. L. POPOVA
- 2503 Group and individual features of the goldeneye
Bucephala clangula nesting in the Kandalaksha
Bay. V. V. BIANKI
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S.-Petersburg University
S.-Petersburg 199034 Russia

Плешанка *Oenanthe pleschanka* на западной границе ареала

Д.Н.Нанкинов

Димитр Николов Нанкинов. Болгарский орнитологический центр, Институт зоологии
Болгарской Академии наук, бульвар Царя Освободителя, д. 1, София – 1000, Болгария.
E-mail: nankinov@yahoo.co.uk

Поступила в редакцию 4 декабря 2011

Каменка-плешанка *Oenanthe pleschanka* (Lepeschin, 1770) – это вид, вокруг которого очень много споров о точности его определения в природе, конкретных встречах, распространении и особенно относительно вопроса о его гибридизации с чернопегой, или испанской каменкой *O. hispanica melanoleuca* (Güldenstädt, 1775) (Mauersberger 1960, 1987; Kumerloeve 1969; Hodge 1970; Raines 1971; Лоскот 1976, 1986; Панов 1986, 1999; Панов, Иваницкий 1975; Rubtsov 1998; и др.). Контактные зоны между плешанкой и испанской каменкой существуют на границах ареала плешанки в Северном Иране, Западном Копетдаге, на Мангышлаке, в Закавказье, на Кавказе, в Крыму и в восточной части Балканского полуострова (Haffer 1977; Лоскот 1986).

Плешанка населяет центральные районы Евразии, на востоке – до Северо-Восточного Китая, на севере – до Байкала, на юге – до Ирана, Афганистана, Пакистана и Центрального Китая. Зимует в Судане, Эфиопии, Сомали, Кении, Танзании, Египте и на Аравийском полуострове. Многочисленные изолированные очаги размножения существуют в Афганистане, Иране, в Крыму и на Балканском полуострове (Cramp 1988). Самые западные гнездовья вида находятся в Болгарии и сопредельных территориях. Здесь проходит и самый западный пролётный путь вида во время его ежегодных миграций весной и осенью. Плешанка на Балканах вызывает интерес не только у орнитологов, но и среди любителей птиц, чем объясняется появление в болгарской и иностранной литературе множества сообщений о встречах с ней. Однако до сих пор не проведено специального исследования вида и нет обобщающей статьи о плешанке на западе гнездового ареала.

Большинство сообщений о встрече плешанки на западной границе области её гнездования касаются степных районов северо-восточной Болгарии, точнее, той узкой полосы каменистой степи, что сохранилась у берегов Чёрного моря. Именно здесь в XIX веке произошли первые (опубликованные в печати) встречи вида на Балканах и были сделаны «сенсационные» сообщения о его многочисленности в летние месяцы года. Нам кажется, что границы территории, где расположены

самые западные гнездовья плешанки, за последние столетия существенно не изменились. Область гнездовой не расширилась и не сужалась. Около 1865 года А. Саллен отмечал летние встречи и гнездование плешанки в районе города Кюстенджа (Elwes, Buckley 1870). Десять лет спустя плешанку наблюдали на северо-востоке Болгарии – в Добрудже (Sintenis 1877). В последующие годы она была многочисленной летом по всей Добрудже, особенно по скалистым участкам черноморского побережья и на берегах реки Дунай (Alleon 1886). На правом берегу Дуная, в районе села Черна вода, её находили в июне 1892 года (Reiser 1894), а на побережья Чёрного моря у Евксинограда 27 мая (9 июня н.с.) 1899 был добыт взрослый самец *Saxicola morio* Hemprich et Ehrenberg, 1833* для коллекции тогдашнего Природоведческого музея города Софии (Collections... 1907). Плешанку очень часто наблюдали на каменистых и крутых берегах Дуная в районе Острова и Хырсово (Dombrowski 1912). В XIX веке упомянутые пункты её нахождения между Дунаем и Чёрным морем (на юге до Евксинограда) очерчивали район массовых гнездовий на западной границе ареала. К сожалению, множество конкретных мест гнездования вида в этих местах остаются неизвестными.

В настоящее время область гнездования плешанки в Северной Добрудже, между Чёрным морем и Дунаем, занимает территорию шириной 50-100 км, а в Южной Добрудже её ширина не превышает 50 км. Места основных гнездовий представляют собой узкую полосу (не более 1-5 км) морского берега, которая постепенно сужается к югу. Ещё во второй половине XIX века было установлено, что плешанка не гнездится вдали от известковых и земляных обрывов берега Чёрного моря и других водоёмов Добруджи (Alleon 1886). Южнее города Бургаса эта каменка заселяет только скалистый морской берег. Нам кажется, что таким же образом отдельные пары распределены на гнездовье и на черноморском побережье Европейской Турции, хотя в Атласе певчих птиц Турции (Roselaar 1995) плешанка отсутствует на всем турецком побережье Чёрного моря, а основные её гнездовья локализованы в горных районах на востоке Азиатской Турции. Правда, в Атласе гнездящихся птиц Европы указана (без всяких объяснений) одна точка гнездования плешанки в Европейской Турции, на стыке болгарской, греческой и турецкой границ (Clement 1997).

Плотность населения плешанки наиболее высока на скалистых морских берегах и в сохранившихся участках каменистых степей (кайряках). Это район между городом Каварна, мысом Калиакра и селом Тюленово. В указанных местах сосредоточены гнездовья, кроме плешанки и чернопегой каменки, ещё и обыкновенной каменки *Oenanthe*

* Синоним *Oenanthe pleschanka*.

oenanthe и каменки-плясуньи *O. isabellina*. В районе мыса Калиакра 25 мая 1987 гнездились 16 пар плешанки, 31 мая 1999 – 23 пары (большинство из них устроили гнёзда в сохранившихся основах старой крепостной стены, 3 пары – у самого мыса и 1 пара – рядом с действующим рестораном). Тогда же от мыса Калиакра до местности Болата мы насчитали 15 пар плешанки, а от Болата до курортного комплекса Русалка – 32 пары. Расстояние между гнездовыми участками некоторых пар составляло 50-80 м.

Южнее, между городами Балчик и Варна, на скалистых участках морского побережья в мае-июне 1960 года было найдено несколько гнёзд плешанки. В некоторых местах пары гнездились в 100 м друг от друга (Mountfort, Ferguson-Lees 1961). 31 мая 1966 на скалистом морском берегу между Каварной и курортным комплексом Русалка насчитали 23 самца с территориальным поведением. Были отмечены также оформленные пары и строительство гнёзд, а летом следующего года наблюдали вылетевших птенцов (Baumgart 1970). Там же, на известковых скалах в окрестностях Каварны, 7-22 июля 1973 было замечено, что гнездовые участки пар располагаются очень плотно, менее чем через 100 м (Hubner 1975). 22-26 мая 1974 на 300 м маршрута вдоль морского берега у города Балчик насчитали 3 пары плешанок (Schubert, Schubert 1982). Не менее 12 пар плешанки обитало 20-21 июля 1988 между селом Былгарево и курортным комплексом Русалка (Сарек, Kloubec 1996).

Б.Иванов и С.Нонев (1997а,б) в июне 1996 года установили следующую плотность населения плешанки: степь у села Былгарево – 0.96 пар на 10 га, степь у села Свети-Никола – 1.7, степь, расположенная севернее села Камен-бряг, – 2.0, мыс Калиакра – 5.66, скалистый морской берег от мыса Ени-Кулак до мыса Болата – 1.9, разреженный лес и участок оползня у дороги от города Балчика до мыса Тузлата – 0.27, разреженный низкоствольный лес с преобладанием зарослей ежевики – 0.49 пар на 10 га.

Плешанка гнездится на скалистых участках морского берега, в сохранившихся участках каменистой степи или на пустующих землях и южнее Балчика: на скалистом морском берегу севернее курортного комплекса Албена, на скалах в долине реки Батова, между деревнями Ляхово и Оброчище, у села Крунево, курортных комплексов Золотые пески и Святые Константин и Елена, на мысе Галата и южнее его, у города Бяла, села Обзор и на мысе Эмине, у города Несебыр, в окрестностях Атанасовского озера, на мысе Атия, в окрестностях Созополя, у села Росен и Веселие, близ курортного комплекса Аркутино, на мысе Маслен-нос, у городов Царево и Китен и в устье реки Силистар (Jordans 1940; Петров, Златанов 1955; Mauersberger 1960; Пешев 1967; Robel 1972; Konigstedt, Robel 1977; Сарек, Kloubec 1996; Георгиева и

др. 1996). Нам кажется, что несколько пар плешанок регулярно гнездится на территории от мыса Галата до устья реки Камчия, между мысом Свети Атанас (у города Бяла) и мысом Емине, а также между мысом Атия и городом Приморско.

В центральных и западных районах Болгарии плешанка является нерегулярной, спорадично гнездящейся птицей. Время от времени отдельные пары выводят птенцов на скалистых берегах рек, озёр и прудов, среди каменистых ущелий, на пустующих землях или среди развалин старых строений. Плешанок находили в горах Восточные Родопы – на каменистом пастбище у села Искра Первомайского района (Дончев 1963; Ферианц и др. 1965), у города Кырджали (Robel 1972; Konigstedt, Robel 1977; Ernst 1983), в окрестностях города Хасково (ущелье реки Банска) (Маринов 1987), у водохранилища Студен-кладенец, в окрестностях Ивайловграда (Ernst 1983; Янков 1991; Георгиев, Герджиков 2007); в горах Сакар – на скалистых берегах реки Тунджа у села Радовец и в средневековой крепости Маточина (Стойчев и др. 2009); а также в горах Стара-планина – над городом Сливеном, в окрестностях города Велико-Тырново (Ernst 1978) и в Юго-Западной Болгарии – у города Мелника (Schubert, Schubert 1982) и в Кресненском ущелье (Balat 1962; Schimkat 1992), в 400 км западнее основных гнездовых вида.

К нерегулярным гнездовьям плешанки надо отнести и все весенние и летние встречи вида в Беломорской Фракии (у городов Фессалоники, Кавала, Александруполис, Комотины, у Малого Преспанского озера, озера Лангада, на полуострове Халкидики) и в других районах Греции (Reimer 1957; Bauer et al. 1969; Hodge 1970; Berlic 1983; Wengerski 1984; Holzinger 1989; Handrinos, Akriotis 1997), а также в Македонии – вероятное гнездование в Копачких горах (Vogrin 1990), в бывшей Югославии – установлено гнездование в 1966 году (Siegner 1982), в Албании (Clement 1997), центральной Румынии и Венгрии – после 1955 года плешанку многократно наблюдали летом в разных районах страны, а в июне 1966 года пара гнездилась в 10 км южнее Будапешта (Schmidt 1972; «Beitr. z. Vogelk.» 14: 135; Haraszthy 1988; Glutz von Blotzheim, Bauer 1988). Следовательно, самая западная часть ареала плешанки находится на территории восточной Румынии, в Болгарии, Греции и, возможно, в Европейской Турции. Здесь гнездится около 3800-4200 пар: в Румынии – 3300 (Clement 1997), в Болгарии – 500-900 (Нанкинов и др. 2004) и в Греции – десятки пар.

Весной плешанки появляются на болгарском побережье Чёрного моря ещё в конце марта. Однако основная весенняя миграция проходит в апреле и в начале мая. По данным Э.И.Гаврилова (1970), в некоторых южных районах Средней Азии плешанки прилетают намного раньше «ещё по снегу, как только появятся первые проталины», обычно

с 2 по 13 марта; массовый пролёт наблюдается 8-9 апреля, последних пролётных особей встречали 19 апреля. Северных границ ареала эти каменки достигают в середине-конце апреля или даже в первых числах мая, а в высокогорье поднимаются месяц-полтора спустя появления на равнине. По западному побережью Чёрного моря в начале весенней миграции летят преимущественно самцы. Их примерно в два раза больше, чем самок. Большинство самок прилетает в последние дни апреля и в первой половине мая. На черноморском острове Змеиный, расположенном в 40 км восточнее дельты Дуная, в апреле отметили 13 самцов и 6 самок, а в начале мая – 4 самца и 7 самок (Drost 1930). Над восточной Грецией тоже идёт миграция плешанок, более многочисленная весной, в апреле-мае, чем осенью, в августе-сентябре (Handrinos, Akriotis 1997).

На гнездовых участках первыми задерживаются самцы. Сразу после прилёта они занимают территорию и поют. Самые ранние песни мы слышали в середине апреля. Обычно через 15-20 дней на гнездовых участках появляются и самки. В первой декаде мая по всей каменистой степи и у скалистого берега мыса Калиакра наблюдаются оформленные пары. Плешанки гнездятся как небольшими поселениями из нескольких пар, так и разрозненными парами на большом расстоянии друг от друга. Строят гнёзда в горизонтальных норах в известковых или земляных обрывах, в нишах и расщелинах скал, под камнями, в кучах камней, в стенах или под крышами необитаемых строений и в норах грызунов. Гнёзда, построенные под камнями или в стенах строений, располагаются почти открыто или ближе к входу, а остальные – глубже, иногда в 0.5-1 м от входа. В качестве материала для строительства довольно массивного гнезда используются листья, стебли и тонкие корешки злаков, растительные волокна и пух. Гнездо строит самка. Кладка состоит из 3-6 яиц. Инкубация продолжается около 2 недель. Насиживает самка, а птенцов выкармливают оба родителя. Период постэмбрионального развития птенцов также длится около 2 недель. Некоторые пары имеют второй цикл размножения. Например, 25 мая 1987 на мысе Калиакра мы насчитали 16 пар плешанок, и все они были заняты насиживанием кладок. Птенцов, покинувших гнезда, наблюдали в первых числах июня, а 10 июня уже имелись гнёзда со свежими кладками. В большинстве гнёзд болгарской популяции плешанок птенцы вылетают между 10 июня и 4 июля. В самых ранних гнёздах в некоторые годы птенцы вылетают ещё в последней декаде мая, а в самых поздних – до последней декады июля. 30 мая 1968 в окрестностях Велико-Тырново наблюдали самца, несущего корм, а также самку и вылетевшую из гнезда молодую птицу (Ernst 1978). Возможно, некоторые пары приступают ко второй кладке ещё позднее, так как в Крыму 26 июня была найдена кладка с 6 сильно

насиженными яйцами, а 1-7 июля отмечены активно токующие самцы и птицы, собирающие строительный материал (Костин 1983). Таким образом, период размножения плешанки на западе ареала сильно растянут, и в разные годы продолжается со второй половины апреля до конца июля.

В кормовом рационе птенцов и взрослых птиц много жуков и кузнечиков. При охоте взрослые птицы выслеживают добычу сидя на дереве, в кустах, на скале, камне или на высоком берегу. Плешанки приносят птенцам много гусениц разных видов бабочек, мух, ос, стрекоз, пауков, иногда мелких ящериц, а также ягоды шелковицы и другие. Граф Амеде Аллеон наблюдал, как многочисленные плешанки ловили мух на крышах приморских домов Кюстенджи (Alleon 1886). В Крыму почти 99% кормовых объектов плешанки составляют насекомые, 70% из них – перепончатокрылые (Костин 1983).

Как уже упоминалось, многие исследования были посвящены гибридизации плешанки и испанской каменки. В.М.Лоскот (1982) выдвинул гипотезу о первичном полиморфизме *O. hispanica* и происхождении плешанки от наиболее пигментированной восточной формы этого предкового вида. Каждую зону гибридизации отличает своеобразие фенотипического состава особей. Все зоны сравнительно узки, и за их пределами происходит быстрое поглощение немногочисленных гибридов в ходе возвратных скрещиваний с исходными формами (Лоскот 1986). На границах столкновения ареалов плешанки и чернопегой каменки, особенно если это морское побережье (как, например, в Восточной Болгарии) или горная цепь, скапливаются самые плотные гнездовые популяции обоих близких видов, и там происходит более интенсивная гибридизация особей, чем в удалённых районах совместного обитания, где их население малочисленнее и разреженнее. Согласно А.С.Рубцову (Rubtsov 1998), репродуктивная изоляция потенциально может осуществляться через различия в брачном поведении и песне. Состав пар и факты смены брачных партнёров самкой в гибридной популяции этих видов свидетельствует о полном отсутствии выборочного скрещивания. Продолжительность жизни самцов с гибридным и чистым фенотипами и репродуктивный успех в различных по составу гибридных и чистых парах не различаются. Репродуктивный успех в гибридной популяции немного ниже, чем в некоторых «чистых» популяциях, но нет оснований считать это подтверждением меньшей плодовитости гибридов.

Начиная с 1993 года в разных журналах (Neophron, 1944, 1: 34; Birding World, 1993, 6, 6: 229; 6, 8: 315-316; 1994, 7, 7: 269-270; Durch Birding, 1993, 15, 4:180-185; 15, 10: 230-235; 1994, 16, 4: 157-166; British Birds, 1994, 87, 1: 10; Birdwatch, 1994, 1: 52; 9: 60; 10: 60; и др.) оживлённо обсуждалось нахождение на северо-востоке Болгарии ещё одного

вида каменки – черношейной *Oenanthe finschii*, как раз в зоне контакта *O. pleschanka* и *O. hispanica melanoleuca*. Почти каждый год много любителей птиц, а также орнитологов-профессионалов непременно встречали отдельных особей, пары или группы самцов черношейной каменки. Затем те, кто многократно наблюдал *O. finschii* в Болгарии, стали отрицать её принадлежность к болгарской фауне. Однако в том, что *O. finschii* может встречаться в Болгарии, нет никаких сомнений. Впервые её видели ещё 11 и 12 июля 1988, но на другом конце страны – в юго-западной Болгарии, в окрестностях Благоевграда (Сарек, Клоубес 1996). Нам кажется, что большинство (если не все) черношейные каменки, отмеченные на северо-востоке страны, представляют собой не что иное, как гибриды *O. pleschanka* и *O. hispanica melanoleuca*, которые здесь встречаются в достаточно большом количестве. На мысе Емине (где чаще всего «видели» *O. finschii*) 28 мая и 14 июня 1998 гнездились гибридные пары названных форм, а между мысом Калиакра и курортным комплексом Русалка 31 мая 1999 нами были встречены 5 пар каменок с гибридными самцами *O. pleschanka* × *O. hispanica melanoleuca*. О помесях этих форм в этих местах сообщалось и раньше (Jung 1979). Северо-восточная Болгария является одной из зон их вторичного контакта. Подробные исследования в других зонах вторичного контакта этих видов (Haffer 1977; Лоскот 1986) выявили большое разнообразие (около 30 вариантов) в окраске оперения гибридных самцов. Среди них гибриды Пг и Пд очень похожи, и в полевых условиях легко могут быть приняты за самцов *O. finschii*.

После того, как птенцы плешанки покинут гнёзда, выводки держатся вместе на протяжении нескольких дней. Потом они распадаются, и молодые начинают самостоятельную жизнь, кочуя в благоприятных местах, где много корма. Очень поздние нераспавшиеся выводки отмечали в конце июля.

Осенняя миграция плешанки происходит незаметно. Большинство особей улетает со своих западных гнездовых в августе и сентябре. Летят они через восточные районы Болгарии, Европейской Турции и восточную Грецию. Для Греции плешанка – широко распространенный, хотя и редкий мигрант (Hodge 1970; Handrinos, Akriotis 1997). Последние плешанки покидают степи Болгарии в октябре. Однако в некоторые годы с наступлением ненастной погоды они улетают ещё в середине сентября. Например, 13 сентября 2003 в этих местах начались проливные дожди, сопровождаемые сильным северным ветром. Утром (с 9 до 10 ч) в степи была обнаружена большая смешанная стая певчих птиц, состоящая примерно из 100 каменок (обыкновенных, чернопегих и плешанок), 160 коноплянок *Carduelis cannabina*, 40 просянок *Emberiza calandra*, 20 хохлатых жаворонков *Galerida cristata*, 10 луговых чеканов *Saxicola rubetra*, 10 полевых *Anthus campestris* и 5 луговых

A. pratensis коньков. Плешанок было около 30 экз. Кроме того, на побережье моря встретили ещё одну особь. В конце дня (с 19 до 20 ч) в степи насчитали по десятку плешанок, обыкновенных и чернопегих каменок, а также 60 степных жаворонков *Melanocorypha calandra*, 50 полевых жаворонков *Alauda arvensis*, 10 хохлатых жаворонков, 30 луговых чеканов и 10 черноголовых чеканов *Saxicola torquata*. Дождь и ветер долго не прекращались. Рано утром следующего дня (с 6 до 7 ч) на том же самом степном участке насчитали приблизительно по десятку плешанок, обыкновенных и чернопегих каменок. Час спустя количество плешанок и чернопегих каменок было то же самое, но обыкновенных каменок стало вдвое больше. В середине дня ветер утих и дождь кончился. На площадке держалось около 15 плешанок. Однако в конце дня все они исчезли. В следующие дни плешанки больше не встречались в северо-восточной Болгарии. В 1991 году примерно в этот же период (14 и 15 сентября) мы отметили отлёт плешанок в районе мыса Яйлите и города Шабла.

Вдоль болгарского побережья Чёрного моря мигрируют плешанки, гнездящиеся в Болгарии, Румынии, Молдавии, Украине и, возможно, в южных районах Европейской России. Осенью они летят на юго-юго-восток к своим восточноафриканским и аравийским зимовкам. Однако некоторые плешанки отклоняются от этого пролётного пути. Их находили в Ливии, на Мальте, в Италии, Австрии, Германии, Польше, во Франции, Голландии, Дании и даже на Британских островах (множественно), в Норвегии, Швеции и Финляндии (Cramp 1988; Glutz von Blotzheim, Bauer 1988; Snow, Perrins 1998).

На основании накопленных сведений видно, что как в прошлом, так и сейчас плешанка была и остаётся сравнительно многочисленной гнездящейся птицей в каменистых степях Добруджи и у западных берегов Чёрного моря. Однако нет сомнений, что в последние десятилетия в связи с распашкой степей и уничтожением многих степных участков, а также урбанизацией ландшафта, строительством курортов, прокладкой автотрасс по всему болгарскому побережью Чёрного моря численность гнездовой популяции плешанки уменьшилась. Обнаруженные за последние полвека неизвестные очаги гнездования у моря и во внутренних районах Болгарии связаны не с расширением области гнездования вида, а с интенсификацией в стране орнитологических исследований. Думаю, что при сохранении этой тенденции число встреч плешанки и находок очагов её гнездования будет увеличиваться и в других районах страны.

Литература

Гаврилов Э.И. 1970. Семейство Дроздовые – Turdidae // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 3: 453-556.

- Георгиев Д., Герджиков М. 2007. Черногърбо каменарче *Oenanthe pleschanka* // *Атлас на гнездящите птици в България*. София: 446-447.
- Георгиева У., Ковачев А., Щанге Ф. 1996. Черногърбо каменарче (*Oenanthe pleschanka*) // *Neophron* 1: 18.
- Дончев С. 1963. Нови данни върху прелета, презимуването и разпространението на някои видове птици в България // *Изв. на Зоол. ин-т с музей при БАН* 14: 111-125.
- Иванов Б., Нонев С. 1997а. Гнезещите птици в района на Калиакра // *Добруджа и Калиакра*. Пловдив: 99-107.
- Иванов Б., Нонев С. 1997б. Гнезещите птици в степните райони по крайбрежието между гр. Балчик и ез. Дуранкулак // *Добруджа и Калиакра*. Пловдив: 108-125.
- Костин Ю.В. 1983. *Птицы Крыма*. М.: 1-241.
- Лоскот В.М. 1976. О систематическом положении черно-пегой каменки и плешанки (*Oenanthe hispanica* (L.) и *Oenanthe pleschanka* (Lepesch.) // *Тр. Зоол. музея Ин-та зоол. АН УССР* 36: 84-89.
- Лоскот В.М. 1982. Морфизм и гибридизация каменок *Oenanthe hispanica* и *Oenanthe pleschanka* // *Тез. докл. 18-го Международ. орнитол. конгр.* М.: 70.
- Лоскот В.М. 1986. Фенотипический состав популяций в зонах вторичного контакта черно-пегой каменки и плешанки // *Актуальные проблемы орнитологии*. М.: 17-33.
- Маринов М. 1987. *Изследвания на орнитофауната в каньона на р. Банска, окръг Хасковски*. Дипл. работа. Кат. зоол. Пловдив. ун-т: 1-73.
- Нанкинов Д., Дуцов А., Николов Б., Борисов Б., Стоянов Г., Градев Г., Георгиев Д., Попов Д., Домусчиев Д., Кирилов Д., Тилова Е., Николов И., Иванов И., Дичев К., Попов К., Караиванов Н., Тодоров Н., Шурулинов П., Станчев Р., Алексов Р., Цонев Р., Иванов С., Марин С., Стайков С., Николов Я., Далакчиева С., Николов Х. 2004. *Численост на националните популации на гнезещите в България птици*. Пловдив: 1-32.
- Панов Е.Н. 1986. Новые данные по гибридизации плешанки (*Oenanthe pleschanka*) и испанской каменки (*O. hispanica*) // *Зоол. журн.* 65, 11: 1675-1683.
- Панов Е.Н. 1999. *Каменки Палеарктики. Экология, поведение, эволюция*. М.: 1-342.
- Панов Е.Н., Иваницкий В.В. 1975. Эволюционные и таксономические взаимоотношения между черно-пегой каменкой *Oenanthe hispanica* и каменкой плешанкой *O. pleschanka* // *Зоол. журн.* 54, 12: 1860-1873.
- Петров Б., Златанов С. 1955. Материали по фауната на птиците на Добруджа // *Сп. на Науч.-изсл. ин-т при М-во на земед.* 1: 93-113.
- Пешев И. 1967. Принос към изучаване на орнитофауната на Варненското крайбрежие // *Изв. на Нар. музей – Варна* 3, 18: 188-212.
- Стойчев С., Демерджиев Д., Герджиков Г., Борисов Б. 2009. *Птиците на Сакар планина*. София: 1-56.
- Ферианц О., Дончев С., Ганзак Я. 1965. Сведения о птицах из окрестностей села Искра (Северо-Восточные Родопы) и Бургаса // *Изв. на Зоол. ин-т с музей при БАН* 19: 15-31.
- Янков П. 1991. Птиците на Източните Родопи. I. Срокове на пребиваване и динамика на орнитофауната // *Екология* 24: 26-43.

- Alleon A. 1886. Memoire sur les oiseaux dans la Dobrudja et al Bulgarie // *Ornis* **2**: 397-428.
- Balat F. 1962. Contribution to the knowledge of the Avifauna of Bulgaria // *Prace Brn. Zan. CAV* **34**: 445-496.
- Bauer W., Helversen O. v., Hodge M., Martens J. 1969. *Catalogus Faunae Graeciae. Pars II. Aves*. Thessaloniki: 1-203.
- Baumgart W. 1970. Über die Vögel im Küstengebiet der südlichen Dobrudscha (Silberküste) // *Falke* **17**, 7: 220-231.
- Berlic G. 1983. Contribution a l'étude de l'avifaune du Lac de Mikra Prespa // *Biol. Gallo-hellen* **10**: 345-355.
- Capek M., Kloubec B. 1996. First breeding record of Finsch's wheatear (*Oenanthe finschii*) and some observations of four *Oenanthe* species in Bulgaria // *Folia zool.* **45**, 1: 95-96.
- Clement P. 1997. *Oenanthe pleschanka*. Pied Wheatear // *The EBCC Atlas of European Breeding Birds*. London: 533.
- Collections du Musee d'histoire naturelle*. 1907. Sophia: 1-484.
- Cramp S. (ed.) 1988. *The Birds of the Western Palearctic*. Oxford Univ. Press, **5**: 1-1063.
- Dombrowski R. 1912. *Ornis Rumaniae*. Bukarest: 1-924.
- Drost R. 1930. Ueber den Vogelzug auf der Schlangeninsel im schwarzen Meer // *Dbh. A. d. Gebiete der Vogelzugsforschung* **2**: 1-42.
- Elwes H., Buckley T. 1870. A list of the birds of Turkey // *Ibis* **2**: 59-77, 188-201, 327-341.
- Ernst S. 1978. Ornithologische Ergebnisse einer Exkursion 1974 durch Bulgarien // *Beitr. Vogelkunde* **24**, 5: 281-294.
- Ernst S. 1983. Die wichtigsten ornithologischen Nachweise dreier weiterer Exkursionen 1975, 1976 und 1977 durch Bulgarien // *Beitr. Vogelkd.* **29**, 4: 229-242.
- Glutz von Blotzheim U., Bauer K. 1988. *Handbuch der Vögel Mitteleuropas. Band 11 – Turdidae*. Wiesbaden: 1-1226.
- Haffer J. 1977. Secondary contact zones of birds in northern Iran // *Bonn. zool. Monogr.* **10**: 1-64.
- Handrinos G., Akriotis T. 1997. *The Birds of Greece*. London: 1-336.
- Haraszthy L. 1988. *Magyarország madarvendégei*. Budapest: 1-172.
- Hodge M. 1970. The Pied Wheatear in Greece // *Ibis* **112**, 3: 403.
- Holzinger J. 1989. Nonnensteinschmatzer *Oenanthe pleschanka* (Lepechin, 1770) brutvogel in Griechenland // *Vogelwelt* **110**, 6: 232-235.
- Kumerloeve H. 1969. On the occurrence of the Pied Wheatear *Oenanthe leucomela* in Asia Minor and adjacent countries // *Ibis* **111**, 2: 238-239.
- Hübner G. 1975. In der Felsen des Tschirakman (VR Bulgarien) // *Falke* **22**, 5: 158-161.
- Jordans A. 1940. Ein Beitrag zur Kenntnis der Vogelwelt Bulgariens // *Mitt. Naturw. Inst. Sofia* **13**: 49-152.
- Königstedt D., Robel D. 1977. Ornithologische Reiseeindrücke aus Süd- und Ostbulgarien // *Falke* **24**, 4: 124-131, 5: 168-171.
- Mauersberger G. 1960. Faunistische Notizen aus Nordost-Bulgarien (19 Mai – 2 Juni 1959) // *J. Ornithol.* **101**, 1/2: 113-125.
- Mauersberger G. 1987. Über Nachweise dunkler Steinschmatzer (*Oenanthe*) in Nord- und Südost-Europa // *Mitt. Zool. Mus. Berlin* **63** Suppl: 143-160.

- Mountfort G., Ferguson-Lees I. 1961. Observations of the birds of Bulgaria // *Ibis* **103a**: 443-471.
- Raines R. 1971. The Pied Wheatear in Greece // *Ibis* **113**, 1: 110.
- Reimer H. 1957. *Oenanthe pleschanka* bei Saloniki // *J. Ornithol.* **98**: 218.
- Reiser O. 1894. *Materialien zu einer Ornithologie der Balkanhalbinsel. II. Bulgarien*. Wien: 1-204.
- Robel D. 1972. Zum Vorkommen von Nonnen – und Isabellsteinschmatzer in Bulgarien (*Oenanthe leucomela* und *isabellina*) // *J. Ornithol.* **113**, 4: 445-447.
- Roselaar C. 1995. *Taxonomy, morphology and distribution of the songbirds of Turkey: an atlas of biodiversity of Turkish passerine birds*. Haarlem: 1-240.
- Rubtsov A. 1998. Hybridisation of Black-eared Wheatear *Oenanthe hispanica* and Pied Wheatear *Oenanthe pleschanka* // *Ostrich* **69**, 3/4: 214-215.
- Schimkat J. 1992. Vogelbeobachten in Bulgarien Teil 2: Beitrag zur Vorkommen mediterraner Vogelarten in Bulgarien // *Falke* **39**, 10: 333-337.
- Schmidt E. 1972. Madartani megfigyeiesek budaorson // *Allatt. kozl.* **59**, 1/4: 183-184.
- Schubert G., Schubert M. 1982. Ornithologische Beobachtungen aus Bulgarien // *Falke* **29**, 11: 366-372.
- Siegner J. 1982. Nonnensteinschmatzer *Oenanthe pleschanka* Brutvogel in Jugoslawien // *Ornithol. Verh.* **23**: 529.
- Sintenis G. 1877. Zur Ornithologie der Dobrudscha // *J. Ornithol.* **25** (137): 59-69.
- Snow D., Perrins C. (eds.) 1998. *The Birds of the Western Palearctic. Concise Ed. Vol. 2. Passerines*. Oxford Univ. Press: 1009-1697.
- Vogrin M. 1990. Ornitholoska opazanja iz srednje Makedonije // *Acrocephalus* **45**, 11: 47-52.
- Wengerski A. 1984. Beobachtung eines Nonnensteinschmatzers *Oenanthe pleschanka* in Griechenland // *Verh. Ornithol. Ges. Bayern* **24**, 1: 137-140.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск 713: 2489-2490

Залёт колпицы *Platalea leucorodia* в Бухтарминскую долину на Южном Алтае

С.В.Стариков, Е.И.Шершнёв

Сергей Васильевич Стариков, Евгений Иванович Шершнёв. Катон-Карагайский национальный парк, ул. Авроры, д. 198, Усть-Каменогорск, 492000, Казахстан. E-mail: starikov60@mail.ru

Поступила в редакцию 29 ноября 2011

На востоке Казахстана колпица *Platalea leucorodia* гнездится на озере Зайсан в дельте Чёрного Иртыша. Отмечено гнездование на Бухтарминском водохранилище – в устье реки Курчум и на искусственном озере восточнее села Курчум (Красная книга... 1991). Во время весенне-осенних миграций колпицы залетают в более северные местности (Долгушин 1960; Селевин 1929). Для казахстанской части Алтая

такие залёты зарегистрированы на озере Маркаколь 3 апреля 1983 (Берёзовиков 1989) и в низовьях реки Бухтармы у села Парыгино в октябре 1960 года (Самусев 2004).

В верхней части Бухтарминской долины на окраине села Катон-Карагай 20 июля 2011 наблюдалась стайка из 9 колпиц, державшихся на большой луже в течение нескольких часов. Потревоженные птицы улетели в восточном направлении в сторону межгорной Чингистайской впадины. Одна из этих птиц была поймана местными жителями и погибла от неправильного содержания. Позднее, 26 сентября 20011, наблюдалась одиночная колпица, пролетевшая над Катон-Карагаем на запад в сторону Бухтарминского водохранилища.

Литература

- Берёзовиков Н.Н. 1989. *Птицы Маркакольской котловины*. Алма-Ата: 1-200.
Долгушин И.А. 1960. *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 1: 1-469.
Красная книга Казахской ССР. Том 1. Животные. 1991. Алма-Ата: 1-560.
Самусев И.Ф. 2004. Заметки о птицах Южного Алтая // *Рус. орнитол. журн.* 13 (250): 60-61.
Селевин В.А. 1929. Нахождение колпика в Уймонской степи // *Uragus* 1 (9): 26.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск 713: 2490-2497

Лесной сыч *Aegolius funereus* на Западном Алтае

Б.В.Щербаков

Борис Васильевич Щербаков. Казахстанское отделение Мензбирова орнитологического общества, проспект Ушанова, д. 64, кв. 221, Усть-Каменогорск, 492024. Казахстан.
E-mail: biosfera_npk@mail.ru

Поступила в редакцию 13 декабря 2011

Лесной, или мохноногий сыч *Aegolius funereus sibiricus* (Buturlin, 1910) – оседлая птица, населяющая практически всю горно-таёжную часть Западного Алтая, от села Горная Ульбинка (30 км севернее Усть-Каменогорска) в западных отрогах Ульбинского хребта и на север до границ с Северо-Западным и Центральным Алтаем. Его находения известны в Ульбинском, Убинском, Ивановском и Холзунском хребтах. В горы, по сведениям П.П.Сушкина (1938), сыч заходит до 2000 м над уровнем моря. По нашим наблюдениям, живёт преимущественно в нижнем поясе горной тайги на высотах 1000-1500 м, хотя отдельных сычей встречали и выше. Как исключение, известно локальное поселение в юго-западных предгорьях Ульбинского хребта, примыкающих

к берегу Бухтарминского водохранилища в небольшом сосновом лесу в Голубом заливе между городом Серебрянском и посёлком Октябрьский. Эти сосняки являются остатками Аюдинского бора в восточной части Калбы на левобережье Иртыша.

Лесной сыч ведёт весьма скрытный образ жизни, по этой причине дать реальные сведения о его численности в нашем районе не представляется возможным. Только в пору его весеннего токования в начале апреля мне удалось провести выборочный учёт в ночное время в урочище Чашино, расположенном в восточных предгорьях Убинского хребта у Риддера, где на 2.5 км пихтово-берёзово-осинового леса было отмечено 4 токующих сыча. В другом случае, 7 июня 2011, в кедрово-пихтово-еловом лесу с примесью берёзы и осины на южном склоне хребта Холзун (1900-2000 м) на 2 км маршрута с прослушивающим прибором с 22 до 22 ч был зафиксирован всего один голос сыча.

По данным Е.С.Птушенко и А.А.Иноземцева (1968), в Московской области и сопредельных ей территориях на местах гнездования лесные сычи появляются в конце марта – начале апреля, что в полной мере соответствует и нашим наблюдениям на Западном Алтае. При этом наиболее поздняя весенняя встреча одного сыча в отрогах Ульбинского хребта у села Горная Ульбинка, то есть в местах, не пригодных для его гнездования, приходится на 10 марта 1967. Одно из искусственных гнездовий сыча, в котором содержались его охотничьи трофеи; 30 марта 1972 было им уже давно оставлено. Исходя из отдельных наблюдений можно сказать, что пик токования самцов лесных сычей приходится на начало апреля. В долине Хамира в пихтачах у села Столбоуха первые голоса сычей в разные годы отмечали между 26 и 30 марта (Лухтанов, Березовиков 2003). В урочище Чашино у Риддера, где на склонах южной экспозиции ближайших гор снег сходит значительно раньше, чем на северных склонах, 3 апреля 1970 в десятом часу вечера слышались их мягкие глуховатые посвисты «ху-ху-ху...». Издали голоса некоторых сычей отдаленно напоминают голоса удода *Урира ерорс*. В общей сложности в этом урочище токовало ночью не менее 10 особей. Также по голосам самцов удалось установить, что они перемещались по радиусу не более 500 м, то поднимаясь по лесу к вершине горы, то спускаясь до 900-1000 м н.у.м. Активное токование отмечалось до часа ночи. Позднее изредка слышались одиночные голоса вплоть до рассвета. Постоянное токование сычей в сосняках среди гранитных скал в западных предгорьях Ульбинского хребта у дома отдыха «Голубой залив» на берегу Бухтарминского водохранилища отмечалось с 6 по 19 апреля 1976.

Сведений по размножению лесного сыча мало. Единственное гнездо, найденное И.Ф.Самусевым 11 июня 1958 в лесу в ущелье нижнего течения Малой Ульбы, располагалось в дупле берёзового пня и содер-

жало кладку из 4 яиц (Березовиков и др. 2000). На западном склоне Ивановского хребта у истоков Белой Убы 7 августа 1978 в высокотравном разреженном кедрово-лиственничном лесу встречен выводок из трёх хорошо летающих птенцов.

Следующий день я полностью провёл, наблюдая за ними. В 8-м часу утра, до времени когда лучи солнца осветили их, сидевших в кроне громадного кедра *Pinus sibirica* на высоте 4 м от земли, они сидели на ветке прижавшись друг к другу. Как только солнце стало пригревать, птенцы стали просыпаться: они потягивались, расправляя поочередно крылья и лапы, часто зевали. После этого, сосредоточив на чем-либо внимание, начинали, сидя на месте, совершать танцующие телодвижения. Через 2 ч после моего появления, уже «привыкнув» к моему присутствию, с такими же движениями они рассматривали меня, сидящего в 5 м от них. При этом они часто поворачивали головы так, что глаза принимали вертикальное положение. Иногда головы переворачивали так, что подклювье «смотрело» вверх, и сычи рассматривали интересующий их объект в таком перевернутом виде. Время от времени самый крупный птенец, вероятно, самка, пряталась от меня за двух «братьев» меньших размеров. Однако тут же выглядывала из-за них, сильно вытягивая шею, при этом, привставая на «носочки». Затем она занимала прежнее место, и так продолжалось много раз. Все сычата постоянно таращили на меня глаза, при этом раскачиваясь и переступая с лапы на лапу. Также совершали глубокие боковые движения головой и туловищем. Один из меньших сычат был особенно непоседливым. Он перескакивал с ветки на ветку, раскачивался и постоянно менял выражение своего «лица».

Чтобы проверить, способны ли сычата самостоятельно охотиться, я сделал из шишки маральего корня «мышку с хвостиком», привязал к ней нитку и положил на вытоптанную мной в траве небольшую полянку. Сам удалился метров на 20, спрятавшись за ствол кедра. В это время в 8 м от сычей опустилась кедровка *Nucifraga caryocatactes*. Птенцы мгновенно вытянулись, затаились и, подняв перья на голове, учащённо заморгали, при этом их «лицо» принимало обиженное выражение. Кедровка улетела, и когда птенцы полностью успокоились, я начал медленно двигать «мышку». Услышав шорох, птенцы разом утаивались на неё, слегка скосив головы. Тем временем «мышка», шурша, «поползла» через полянку. Птенцы натопорщили перья, стали круглыми и «горбатыми», замерли и, не моргая, смотрели на ползущего «зверька». Движение «мышки» на время было остановлено. Прошло около 10 мин, когда сычата успокоились, при этом не спускали с неё глаз. Я вновь повторил движение экспериментальной «мышки». Совята, сбитые с толку, снова начали топорщить оперение и удивлённо таращить глаза, изредка издавая шипение. При этом они раскачивались,

моргая поочередно то одним, то другим глазом. Так продолжалось, пока «мышка» не «исчезала» в зарослях травы.

Бодрствование сычат продолжалось до 13 ч. После этого они успокоились, переместились от лучей солнца в тень ствола; прикрыли нижними веками глаза и стали дремать. Как только солнце приблизилось к линии горизонта, «самка» первой перепорхнула на соседнюю лиственницу. Оставшиеся сычата были в это время возбуждены и выражали это активными покачиваниями. Вскоре они, прыгая и подлётывая, стали перемещаться среди кедровых ветвей, на которых провели весь день. Как только солнце скрылось, но видимость ещё оставалась хорошей, они разом бесшумно перепорхнули на соседние деревья, придерживаясь нижней части крон примерно в 4-5 м от земли. Вскоре они стали подавать голоса, которые можно передать как «*тицип-тицип...*», изредка сопровождаемые тихим приятным верещанием. Уже в лёгких сумерках, делая короткие перелёты, сычата поднимались разреженным лиственничником *Larix sibirica* выше по склону. Всё это время они держались друг от друга на расстоянии 5-10 м, при этом постоянно перелетая среди ветвей кедров и лиственниц.

В это время ниже по склону слышался глуховатый посвист взрослой птицы: «*ху-ху-ху...*». Присев в траву и скрывшись в ней с головой, я тотчас услышал над собой дрожание сухой ветки и в метре увидел сидевшую взрослую птицу. Она глядела мне в глаза, издавая негромкие, отрывистые звуки «*кцав – кцав-кцав...*». В следующий миг она сидела уже на другой сухой ветке, дальше чуть. Медленно прикрываю рукой лицо от комаров. На мое движение сыч тут же срывается, летит стрелой в лицо и, обдав волной всколыхнувшегося воздуха, садится на другую ветку. Сведения Ю.Б.Пукинского (1972) о том, что во время угрозы лесной сыч, в отличие от домового *Athene noctua*, «лишь тарацит глаза и щёлкает клювом», можно дополнить тем, что сыч садился рядом со мной и неоднократно имитировал нападение. Каждый раз он летел прямо в лицо (!). От возбуждения движения его были резкими: сыч резко крутил головой и приседал. Когда сумерки окончательно сгустились, он ещё несколько раз делал подобные выпады в мою сторону и вскоре исчез, взяв круто вверх. А через несколько секунд слышалось его «*у-ук, у-ук...*». Сычата всё это время сидели на толстом обломленном стволе лиственницы, наблюдая за происходящим. Один из них сел на вершину этого обломка. В это время над ним зависла ушастая сова *Asio otus*. Птенец бросился вниз и, сделав рывок в сторону, исчез. Сова опустилась на его место. Вероятно, это была тоже молодая птица, подпустившая меня метров на восемь. Взлетев и сделав несколько кругов надо мной, она исчезла. С этого момента ни голосов, ни молодых сычей не был видно и слышно. Поиски их на следующий день результатов не дали...

В августе, по свидетельству П.П.Сушкина (1938), у лесных сычей проходит линька, что соответствует и нашим наблюдениям. Следует заметить, что лесной сыч по характеру питания относится к строго сумеречным птицам (Гаврин 1962; Пукинский 1972), однако есть факты уточняющие время их суточной активности. Так, в полдень 8 ноября 1977 у таёжного подножия Ивановского хребта около Риддера Ю.А.Котухов поймал сыча в западню на манную птицу, на которую он напал. В другом случае, 24 августа 1960, в тех же местах среди пихтово-кедрового леса на восточном склоне Громотушинского ущелья на Проходном белке (Ивановский хребет, 1300-1400 м) в 5-м часу вечера, когда солнце ещё находилось высоко над горами, был замечен лесной сыч, поймавший в густой траве красно-серую полёвку *Clethrionomys rufocanus*. Им оказался молодой самец массой 125 г в стадии активной линьки покровных перьев. Тут же под деревом лежали 2 погадки с черепами того же грызуна. В стадии линьки перьев груди и живота находился сыч, добытый 7 сентября 1971 в смешанном пихтово-еловом лесу с примесью лиственницы и берёзы на южном высокотравном склоне хребта Холзун (1300 м н.у.м.) около заимки Мягкие ключи, в 12 км от села Столбоуха.

Начало осенних кочёвок лесных сычей для территории Казахстана приходится на ноябрь (Гаврин 1962). В степных предгорьях Западного Алтая их появление было отмечено уже в октябре, однако большая часть кочующих сычей появляется в ноябре с выпадением глубоких снегов в верхнем поясе горно-таёжного пояса и установлением постоянного снежного покрова в предгорьях. Эти кочёвки идут в основном в юго-западном направлении. Большинство сычей, по нашим наблюдениям, проводит зиму в пойменных зарослях Иртыша, в сосновых и смешанных лесах Калбинского нагорья. Некоторые залетают в старые сады и постройки населённых пунктов. Наиболее раннее появление их на юго-западной окраине Усть-Каменогорска и в его черте отмечено 13 октября 1965. Сыч, залетевший в сарай Алтайского ботанического сада на окраине Лениногорска (Риддера), обнаружен 5 ноября 1970. Ещё один сыч 12 декабря 1969 пойман в сарае села Прапорщиково на правом берегу Иртыша, в 10 км ниже Усть-Каменогорска. В посёлке Аблакетка, в 8 км восточнее этого города, сыча поймали 25 февраля 1969. В январе и феврале 1973 года сычей встречали и ловили в селе Берёзовка (Хроков, Березовиков 1990). На зимовках лесные сычи многократно отмечались в Усть-Каменогорске, Лениногорске, у села Феклистовка в юго-западных отрогах Ульбинского хребта. Встречи зимой известны также у села Секисовка между Усть-Каменогорском и Риддером (Селевин 1935).

Необычный «налёт» лесных сычей пришёлся на зиму 1972/73 года (Щербаков 1975). В эту зиму мне было известно о 16 пойманных и до-

бытых в Усть-Каменогорске сычей. Все птицы были предельно истощены, так что некоторых даже путём принудительного кормления вернуть к жизни не удалось. Та зима отличалась особенным многоснежьем. Метели бушевали неделями, и уже в первой и второй декадах ноября выпали глубокие снега, что привело к гибели многих птиц от голода. Обессиленных сычей ловили 27 ноября 1966 и 8 ноября 1972 у села Васильевка в соседних северных предгорьях Калбы на левобережье Иртыша. 4 апреля 1970, с началом таяния снегов, погибший от бескормицы сыч массой 85 г найден в молодом ельнике по речке Быструхе у Лениногорска. Другой обнаружен 12 апреля 1982 в песках Кызыл-Кум (Северное Призайсанье) в 25 км южнее посёлка Самарское. Это самая дальняя точка известного нам вылета лесных сычей на юг во время вызванных бескормицей осенне-зимних кочёвок.

В скворечниках, развешенных в 1974 году в пихтово-елово-берёзовом лесу у села Горная Ульбинка (700 м н.у.м.), при осмотре в марте в одном обнаружен кормовой склад лесного сыча. В нём находились остатки 3 свиристелей *Bombycilla garrulus*, снегиря *Pyrrhula pyrrhula* и большой синицы *Parus major*. В 15 погадках содержались остатки мышевидных грызунов, неопределённых до вида. Другой скворечник был забит 23 красно-серыми полёвками *Clethrionomys rufocanus* и лесными мышами *Apodemus sylvaticus*. Были остатки и других, не определённых до вида мелких грызунов.

Лунной морозной ночью 8 февраля 1984 на автобусной остановке на окраине Усть-Каменогорска сидевший на дереве сыч, несмотря на присутствие людей, среагировал на брошенный маленький резиновый мяч. Он дважды бросался на него, но каждый раз лишь скользил по нему когтями. После этого он сел в 10 м на дерево, а затем улетел.

При многократном содержании в домашних условиях лесных сычей, пойманных во время осенних и зимних миграций, установлено, что они привыкают к человеку. Это были, как правило, взрослые особи. Изначально кормить их приходилось принудительно, однако примерно через две недели они охотно брали корм с рук. Один из них ближе к вечеру вылетал из ванной комнаты, где отсиживался днём, садился на приоткрытую форточку, шкаф или новогоднюю ёлку среди комнаты, заглядывал мне в глаза, приседал, беззвучно раздувал горло, выражая желание есть.

Простые опыты показали, что лицевой «диск» лесных сычей приспособлен к восприятию теплового излучения. Так, только что пойманного, совершенно дикого сычика в абсолютно тёмном помещении (ванная комната) я сажал на тыльную часть ладони и опирался ею на край ванны, фиксируя руку. Слеплённый полной темнотой сыч не улетал, тогда как при малейшем свете он тут же в страхе срывался с руки и летел куда придётся. После того, как он успокаивался, я без

малейшего шума приближал сверху к нему другую ладонь. И каждый раз как только ладонь оказывалась в 15-20 см от его «лица», сыч начинал медленно отклоняться назад от приближающейся ладони. Отклонение улавливалось тем, что два его задних коготка, впившиеся в ладонь, постепенно, по мере приближения руки, глубже вдавливались в кожу. Наконец наступал момент, когда ладонь приближалась на расстояние примерно в 10 см от его «лица». Сыч с этого расстояния улавливал тепло невидимой ему ладони, тут же бросался в сторону, ударяясь о стены. Его движения темноте определялись тем, что по мере приближения невидимой ему ладони, улавливая её тепло, что устанавливалось через ощущение того, что задние два коготка пальцев в это время также медленно и все сильнее, по мере приближении руки, врезались в тыльную часть другой ладони, зафиксированной на краю ванны. Исходя из этого эксперимента, я пришел к выводу, что оперение и рецепторы его лицевого «диска» дают возможность сычу улавливать инфракрасное излучение с близкого расстояния. Когда рука от него отводилась, чувствовалось, как перемещается и центр тяжести его тела в нормальное положение. Но стоило приоткрыть дверь и усилить освещение, как сыч мгновенно срывался с руки.

Другой опыт свидетельствует об их сильном телескопическом зрении, обусловленном разрастанием радужки в ущерб подвижности глаз. Поэтому объект с первого взгляда они видят плоским. Со́вы компенсируют это «таинственными» телодвижениями, совершая горизонтальные, круговые повороты головой и отчасти туловищем. Наблюдения показывают, что аккомодация зрачка у них происходит молниеносно, чтобы получить объёмное представление об объекте им приходится двигать не глазами, как свойственно дневным животным, а «перемещать» их за счёт движения головы по горизонтали, вертикали и по кругу. Эта особенность хорошо прослеживается у молодых сов при адаптации к окружающей среде. В эти моменты зрачок у них, настраиваясь на резкость, буквально «прыгает», меняя диаметр, то сужаясь, то расширяясь в зависимости от фокусировки на нужной точке предмета. Совершая такого рода движения при обозрении предмета от ближней точки к дальней, зрачок совершает несколько таких «скачков». Из-за хорошо развитого телескопического зрения, в зависимости от вида совы средних и малых размеров и, соответственно, размера глаз и максимальной величины зрачка, необходимое по резкости изображение объекта они получают на расстоянии примерно 10-15 см. Ближе совы не могут чётко видеть интересующий их предмет. Для этого они, особенно во время кормёжки, поспешно пятятся назад на нужную им дистанцию, фиксируют привычным образом объект глазами и, совершив прыжок, хватают жертву лапами или одновременно клювом и лапами. Заполучив таким образом добычу, они прикрывают глаза, от

чего создаётся впечатление что они щурятся, затем ощупывают жертву щетинками лицевого диска, после чего глотают её. Вероятно, в этой же связи у сов, в отличие от дневных хищников, в большей степени развита способность заглатывать жертву целиком, иногда довольно крупную относительно их размеров. Отсюда возникает интересный вывод: совы не видят собственных ног!

Другие наблюдения за сычами показали, что из-за мощного телескопического зрения многие объекты они видят изначально плоскими и только после необходимых телодвижений воспринимают предмет объёмно. Если на белую стену нанести тёмную полосу в виде палки или ветвей и не дать птице «ощупать» её глазами, она легко обманывается, принимая её за натуральную ветку и пытается сесть на неё!

Сычи, жившие у меня дома с осени до весны, хорошо привыкали к неволе. Вечерами, проголодавшись, они вылетали из ванной, где отсиживались днём, садились на что-либо и пристально заглядывали в глаза, выжидая корма. Однажды в конце марта с юннатами я вывез после зимнего содержания двух «одомашненных» сычей в тайгу. Оказавшись на воле, один из них сел на ближнюю ветку ели, подпустив меня на расстояние вытянутой руки, однако ближе не подпустил. Другой сел на шапку юнната и позволил посадить себя на руку и перенести на дерево.

Литература

- Гаврин В.Ф. 1962. Отряд Совы – Striges // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 2: 708-779.
- Березовиков Н.Н., Самусев И.Ф., Хроков В.В. 2000. Материалы к орнитофауне поймы Иртыша и предгорий Алтая. Часть 2. Falconiformes, Columbiformes, Cuculiformes, Strigiformes, Caprimulgiformes, Apodiformes, Coraciiformes, Piciformes // *Рус. орнитол. журн.* 9 (93): 3-20.
- Лухтанов А.Г., Березовиков Н.Н. 2003. Материалы к орнитофауне Бухтарминской долины (Юго-Западный Алтай) // *Рус. орнитол. журн.* 12 (239): 1130-1146.
- Птушенко Е.С., Иноземцев А.А. 1968. *Биология и хозяйственное значение птиц Московской области и сопредельных территорий*. М.: 1-461.
- Пукинский Ю.В. 1972. *Жизнь сов*. Л.: 1-240.
- Селевин В.А. 1935. Новые данные по распространению птиц в Западном Алтае и его предгорьях // *Бюл. Среднеаз. ун-та* 21(13): 115-126.
- Сушкин П.П. 1938. *Птицы Советского Алтая и прилежащих частей Северо-Западной Монголии*. М.; Л., 1: 1-320.
- Хроков В.В., Березовиков Н.Н. (1990) 2011. К фауне сов Верхнего Прииртышья // *Рус. орнитол. журн.* 20 (712): 2472-2474.
- Щербаков Б.В. 1975. Сезонные кочёвки некоторых птиц на Западном Алтае // *Материалы Всесоюз. конф. по миграциям птиц*. М., 2: 55-56.

Численность и распределение серой утки *Anas strepera* в городе Сортавала (северо-западное Приладожье)

С.Л. Попова

Светлана Леонидовна Попова. Кафедра зоологии позвоночных, биолого-почвенный факультет, Санкт-Петербургский университет, Университетская набережная, 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: slp.13@mail.ru

Поступила в редакцию 17 декабря 2011

В статье представлены материалы исследований, проведённых в 2010-2011 годах в городе Сортавала и его окрестностях, а также некоторые данные, полученные в 2009 году.

Город Сортавала (Республика Карелия) расположен на северо-западной оконечности Ладожского озера (61°42.4' с.ш., 30°42' в.д.) в зоне так называемых «ладожских шхер», занимает площадь около 6 км², имеет население около 19 тыс. человек (данные 2010 года) и является самым крупным населённым пунктом Северного Приладожья. В настоящее время здесь отсутствуют крупные промышленные и аграрные предприятия и основной отраслью экономики является туризм.

Наблюдения проводили с апреля по октябрь на пеших маршрутах вдоль береговой линии с использованием оптических средств наблюдения и заключались в подсчёте и определении характера пребывания всех встреченных водоплавающих птиц в 250-метровой прибрежной зоне, включая заросли прибрежной растительности. При этом были обследованы водоёмы, находящиеся в черте города, побережье Ладожского озера в радиусе 10 км от города и некоторые внутренние водоёмы, расположенные в 20-км зоне от города. Из обследованных материковых загородных водоёмов озёра Кармаланъярви, Куоккаярви и Хюмпелянъярви являются сравнительно крупными и имеют площадь 2.4, 2.8 и 5 км² соответственно (данные Государственного водного реестра), пять остальных – безымянные, площадью от 1 до 3 га, находящиеся в различных по рельефу, прибрежным биотопам и степени антропогенного воздействия местах. Общая площадь обследованных водоёмов составила 15.9 км², общая протяжённость заложённых постоянных учётных маршрутов – 87.3 км, общая протяжённость разовых учётных маршрутов за три года – более 750 км. В черте города наблюдения проводились с регулярностью 1 раз в 3-4 дня, на побережье Ладожского озера – 1 раз в 5-7 дней, на отдалённых от города водоёмах – 1-2 раза за сезон.

В настоящее время Ладожское озеро и все загородные водоёмы несут признаки олиго- и мезотрофных водоёмов, городские – эвтрофных. Для всех водоёмов площадью более 4 га характерно наличие различных ландшафтных участков береговой линии: от заболоченной низины до отвесных скал.

Система водоёмов города Сортавалы представляет собой залив Ладожского озера и сообщаемое с ним озеро Тукхалампи. В результате хозяйственной деятельности они разбиты на несколько участков автомобильными дорогами, железнодорожной линией и дамбой и в настоящее время являются, по сути, системой сообщаемых друг с другом посредством искусственного дренажа прудов площа-

дью от 0.1 до 15 га. В зависимости от площади и глубины воды эти участки имеют разную степень заболоченности и зарастания прибрежной растительностью – от 10 до 95% водной поверхности. Фактически являясь частью городских улиц, все городские водоёмы находятся в зоне сильного антропогенного воздействия. Менее подвержено такому воздействию озеро Айранне площадью 40 га, расположенное в парковой зоне и соединяющееся с заливом Ладожского озера узкой (3-7 м) заболоченной рекой Вакха протяжённостью 0.57 км.

Серая утка *Anas strepera* считается редким видом для данного региона (Зимин и др. 1993, 1998; Михалёва и др. 2000; Кондратьев, Лапшин 2003). До 1990-х годов зарегистрировано лишь несколько её единичных встреч в северной части Приладожья и на островах Ладожского озера. В 1901 году гнездо серой утки было найдено на острове Лункулансаари, в 1930 году – на побережье Ладожского озера у посёлка Хийтола (Koskimies 1979). Российскими исследователями описано несколько летних встреч серой утки в 1960-1970-е годы у южной границы Карелии (Зимин и др. 1993, с. 23), но тогда северо-западное Приладожье посещалось орнитологами очень редко и специальные исследования здесь не проводились. В это же время на сопредельной территории южной Финляндии с 1968 по 1982 год зарегистрировано 245 встреч *A. strepera* и отмечен выраженный рост её численности после 1975 года (Solonen 1985).

В 1990-е годы летние встречи серой утки зафиксированы на Ваалаамском архипелаге Е.В.Михалевой и У.А.Бириной (1997, с. 12): в 1993 году у Емельяновых островов, 1995 – в заливе Миллилахти. Тогда же гнездование серой утки на островах Ладожского озера отмечено финскими исследователями (Pakarinen, Siikavirta 1993), но петрозаводскими орнитологами её гнездование допускалось только в виде возможного гнездования отдельных пар (Зимин и др. 1998, с. 121).

Необычно высокая концентрация серой утки была зарегистрирована в конце 1990-х – начале 2000-х годов у города Сортавалы. По данным А.В.Кондратьева и Н.В.Лапшина (2003), в конце августа и начале сентября 1999 года ими обнаружено 25 серых уток на озере Айранне и не менее 26 – в городской части залива Ладожского озера; в начале июня 2000 года – 10 пар на городских водоёмах и 1 пара – у острова Палинсаари; 16-20 июня 2002 на водоёмах города они отметили уже более 150 взрослых птиц, а на Айране – не менее 5 выводков. В настоящее время Сортавалу считают единственным местом гнездования серой утки в Карелии (<http://www.gap-analysis.krc.karelia.ru/pdf>). Однако из-за отсутствия здесь систематических орнитологических наблюдений особенности распределения её в северо-западном Приладожье до настоящего времени не были выяснены.

По результатам моих наблюдений в 2009-2011 годах, на водоёмах города Сортавалы серая утка гнездится ежегодно. При этом числен-

ность её в эти годы была значительно ниже оценки 2002 года и выше оценок численности, сделанных в 1999 и 2000 годах. Так, в 2009 году общая численность серой утки в черте города, включая озеро Айранне, в начале гнездового сезона оценена в 20-25 пар, в конце летнего сезона – в 70-80 особей. В 2010 году во второй декаде мая общая численность составила 26-29 пар, в августе – 85-95 особей, в 2011 – 27-30 пар и 115-125 особей соответственно. Учитывая, что в 2009 году охват территории и периодичность учётов были ниже, чем в 2010-2011 годах, можно считать, что предгнездовая численность серой утки на городских водоёмах в течение трёх лет наблюдений оставалась достаточно стабильной.

Появление серой утки на водоёмах города отмечается в начале третьей декады апреля: 20 апреля 2009, 21 апреля 2010 и 20 апреля 2011. Следует отметить, что в Северном Приладожье в это время только начинается вскрытие водоёмов, начиная с малых, а крупные озёра, включая Ладожское, ещё находятся подо льдом. Число особей данного вида в течение апреля-мая практически не меняется, происходит лишь нарастание численности до ранее приведённых значений, что позволяет полагать, что водоёмы Сортавалы не используются серой уткой как места остановок на пути миграций.

Распределение серой утки по водоёмам города достаточно равномерно: ею заселены все водоёмы, за исключением наиболее глубокой части залива Ладожского озера, где хотя и отмечались неоднократно отдельные пары и предотлётные группы серых уток, присутствие вида не является постоянным в течение всего сезона. Наибольшей плотности население серых уток достигает на двух мелководных водоёмах площадью 2.5 и 3.7 га со степенью зарастания прибрежной и водной растительностью в 50-70% – 4.86-5.60 особей на 1 га в начале гнездового сезона.

Первые выводки серой утки регистрировали в первой половине июня: 9 июня 2010 и 11 июня 2011, массовое появление птенцов – в третьей декаде июня и первой декаде июля. Количество и величина обнаруженных выводков достаточно сильно различались в разные годы наблюдений: в 2010 году встречено не менее 7 выводков со средним числом птенцов 6.71, в 2011 – не менее 19 выводков со средней величиной 4.57 птенца. Надо отметить, что подобная ситуация наблюдалась и у других видов водоплавающих птиц. Небольшое число выводков в 2010 году, по моему мнению, может быть связано с длительным периодом холодной (+6...+13°C), дождливой и ветреной погоды на протяжении последней декады мая и двух первых декад июня, что могло отрицательно повлиять на успешность насиживания и привести к полной гибели некоторых кладок. Достаточно нетипичным было и появление большого количества выводков по 2-3 птенца в июле 2011 года. Веро-

ятной причиной этого могло быть активное хищничество серых ворон *Corvus cornix* и истребление ими части выводков: в 2011 году мною неоднократно отмечены случаи нападения ворон на выводки гнездящихся на городских водоёмах птиц. Не исключена вероятность, что мною были учтены частично разорённые выводки.

Самцы собираются для линьки во второй половине мая: группы из 3-8 селезней замечены 31 мая – 3 июня. Единичные негнездящиеся пары отмечались до 23 июня в 2010 и 28 июня в 2011 году.

В августе-сентябре серые утки кормятся вместе с кряквами *Anas platyrhynchos*, образуя совместные скопления, начиная с середины сентября их численность начинает уменьшаться. Последние встречи серой утки на водоёмах города зарегистрированы в начале октября: 5 октября 2010 и 9 октября 2011.

Следует отметить высокую устойчивость вида к антропогенному воздействию: серые утки, обитающие в городе Сортавала, не только не проявляют беспокойства, постоянно подвергаясь действию различных антропогенных факторов, но и вместе с кряквами держатся в местах, где их подкармливают люди.

При достаточно высокой численности серой утки на городских водоёмах, встречи данного вида на загородных водоёмах единичны: в начале июня 2010 года одна пара отмечена на озере Хюмпелянъярви, в июне 2011 года встречены отдельные пары на озерах Хюмпелянъярви, Кармаланъярви и на побережье Ладожского озера. Общее снижение в 2011 году уровня воды в Ладожском озере и связанных с ним водоёмах более чем на 0.5 м привело к увеличению площади мелководий, при этом, тем не менее, выраженного увеличения численности серой утки на них не отмечено.

Таким образом, можно говорить о неравномерном распределении серой утки на обследованной территории: высокая концентрация на водоёмах Сортавалы и немногочисленность на расположенных неподалёку от города водоёмах, менее подверженных антропогенному воздействию. Специфичность видового состава и высокую численность населения гнездящихся в Сортавале водных и околоводных птиц отмечали и ранее (Михалёва и др. 2000, с. 286). Предпочтение некоторыми водяными птицами городских водоёмов обусловлено, по всей видимости, спецификой последних: наряду с антропогенным эвтрофированием, им, в силу гидрографических особенностей и антропогенной трансформации, свойственен слабый водообмен с основной массой Ладожского озера, приводящий к локализации собственных водных масс и сильной эвтрификации. Сочетание этих двух факторов делает сортавальские водоёмы привлекательными для видов, населяющих мелководные хорошо прогреваемые водоёмы с богатой водной и околоводной растительностью и слабопроточной водой.

В заключение можно выделить несколько моментов, выявленных за время наблюдений за водоплавающими птицами в Сортавале. Во-первых, серая утка распределена на обследованной территории неравномерно, концентрируясь на городских водоёмах. Во-вторых, в течение последних трёх лет явных изменений численности серой утки на городских водоёмах не наблюдалось. В-третьих, в условиях города Сортавала серая утка устойчива к действию антропогенных факторов и реагирует на них аналогично крякве.

Литература

- Зимин В.Б., Сазонов С.В., Лапшин Н.В., Артемьев А.В., Хохлова Т.Ю. 1998. Орнитофауна охраняемых и перспективных для охраны приграничных территорий Республики Карелия // *Инвентаризация и изучение биологического разнообразия в приграничных с Финляндией районах Республики Карелия. Подраздел 7.3*. Петрозаводск: 116-124.
- Зимин В.Б., Сазонов С.В., Лапшин Н.В., Хохлова Т.Ю., Артемьев А.В., Анненков В.Г., Яковлева М.В. 1993. *Орнитофауна Карелии*. Петрозаводск: 1-220.
- Кондратьев А.В., Лапшин Н.В. 2003. Редкие виды водоплавающих птиц Ладожского озера // *3-й междунар. симп. «Динамика популяций охотничьих животных Северной Европы»*. Петрозаводск: 111-116.
- Михалёва Е.В., Бирин У.А. 1997. Птицы Валаамского архипелага (аннотированный список видов) // *Рус. орнитол. журн.* **6** (9): 11-21.
- Михалёва Е.В., Сазонов С.В., Медведев Н.В., Лапшин Н.В., Зимин В.Б. 2000. Птицы // *Инвентаризация и изучение биологического разнообразия на территории Заонежского полуострова и Северного Приладожья. Подраздел 3.5*. Петрозаводск: 279-301.
- Попова С.Л. 2011. Летняя орнитофауна водоёмов Сортавалы по наблюдениям 2009-2010 годов // *Рус. орнитол. журн.* **20** (645): 656-660.
- Koskimies P. 1979. Karjalan linnustosta: Karjalan kannakaen seka Laatakan, Aunuksen ja Äänisen Karjalan linnustolli sista erikoispiirteistä // *Ornis karelica* **3**: 68-69.
- Pakarinen R., Siikavirta H. 1993. Lintuja Karjalan merella // *Linnut* **28**, 5: 36-39.
- Solonen T. 1985. *Suomen linnusto esiintyminen ja perusbiologiaa*. Helsinki: 1-280.

Групповые и индивидуальные особенности гнездования гоголей *Viscerhala clangula* в Кандалакшском заливе

В.В.Бианки

Второе издание. Первая публикация в 2001*

Гнездящаяся группировка гоголей *Viscerhala clangula* начала формироваться на заповедных островах Кандалакшских шхер после развешивания там в 1954 году искусственных гнездовий. В последние годы на 9 островах, которые составляют 3 группы, находится около 150 гоголятников. В разные годы в них учитывали до 50 гнёзд. Расстояние между крайними островами в группе достигает 9 км, между группами – 5-6 км. Только на 2 островах есть озёра, на которых могут расти птенцы. С остальных островов самки уводят птенцов сразу после того, как они покидают гнездо, так как на море выводки гоголя не держатся. Расстояние до подходящих для выводков водоёмов достигает 15 км.

С 1967 года при проверке гнездовий кольцевали всех насиживавших самок, а с 1968 года – и птенцов.

Большинство самок гоголя начинает размножаться в конце второго года жизни (76.2%, $n = 42$), некоторые впервые гнездятся в 3 года (11.9%), а иногда и в возрасте 4-6 лет (11.9%). Гнездящиеся самки заселяют острова только своей группы, где они родились или уже гнездились. Местные молодые самки составляют 25% от числа вновь загнездившихся уток. Максимальное число новых самок появляется в тёплые ранние вёсны. В поздние вёсны их может совсем не быть. Возвращение уже гнездившихся самок в свой прошлогодний гоголятник, а молодых – в место своего рождения зависит от ряда причин: наличия и расположения гоголятников, характера ландшафта, особенностей погоды во время весенней миграции, других экологических условий, а также от индивидуальных особенностей особи.

Для гоголей, как известно, характерна откладка яиц несколькими самками в одно гнездо. По окраске, форме и величине яиц в кладке мы различали до 5 самок, откладывавших яйца в одно гнездо. В этом, как и в сроках гнездования, проявляется индивидуальность птицы.

* Бианки В.В. 2001. Групповые и индивидуальные особенности гнездования гоголей в Кандалакшском заливе // *Проблемы изучения и охраны гусеобразных птиц Восточной Европы и Северной Азии*. М.: 19.